

«Пропеть какое-то мгновение, но так пропеть...»

13 марта исполнилось 70 лет Дмитрию Петровичу Клёстову – нашему земляку-поэту.

Дмитрий Петрович – член Союза писателей России, сейчас готовится к изданию его шестая книга стихов.

Уже или ещё? Каждый ответит на этот вопрос по-разному, а для Дмитрия Петровича, насколько я его знаю, ревностный подсчет стоящих на полке томиков – не главное. Они, конечно, душу греют, тем более, что выпущены все они за последние десять лет, до этого он публиковался только в газетах и журналах. Эти годы стали временем признания его в поэтическом сообществе области, временем обретения друзей-единомышленников из писательской среды. Стихи Дмитрия Петровича часто публикуются в альманахе «Огни Кузбасса», вошли они и в книгу «Антология. Русская сибирская поэзия. XX век». Только этим летом у него гостили писатели Владимир Мазаев, поэтесса Наталья Мурзина, журналист Юрий Дьяконов. И дружба эта – настоящая. Так, несколько лет назад поэту из Березовского Леониду Герджидовичу он даже дом срубил...

Конечно, заметили его раньше, в середине восьмидесятых, но приоритеты у Дмитрия Петровича в то время были другие. Так уж сложилось у него по судьбе, что творческий путь оказывался в загоне, на первом месте была работа на производстве – тяжкий, выматывающий труд шахтера. Нет, писал он всегда – в его первую книгу «Земная ноша», например, вошли стихи, написанные во время службы в армии, а я некоторые его стихи помню наизусть еще со времен первых встреч в «Литературном салоне» 35 лет назад... Стихи и наброски, а то и просто записанные наблюдения-образы, мысли – все это копилось, и сейчас, когда не просто настало время «собирать камни», но и с выходом на пенсию реально появилось время, Дмитрий Петрович пишет много, интересно, с каким-то даже азартом, будто стараясь нагнать упущенное, успеть сказать всё, чем уже переболело сердце, что удивило, открыло, заставило по-ново-

му посмотреть на мир.

Про таких, как Дмитрий Петрович, говорят: «Бог в макушку поцеловал». Он самородок, и не только потому, что никогда не учился литературному мастерству, но еще и потому, что умеет видеть и чувствовать гораздо острее, чем многие. Все мы восхищаемся красотой, удивляемся необычному, негодуем, переживаем то, что задело за сердце. Но прошел первый запал – и осталось только воспоминание. А ему нет покоя, пока пережитому чувству он не найдет свой, неповторимый образ – как будто истину откроет. Для него это не работа и не сверхзадача, это образ жизни, такая же потребность, как в еде и питье, воздухе и сне. Этому нельзя научить, с этим можно только родиться.

Но и поэтические образы у разных поэтов бывают разные: про какие-то только и можно сказать, что «красиво написано», а другие – душу переворачивают, помогают разобраться в своих чувствах читателю, потому что каждому кажется – про него написано. В стихотворении «Утро» Дмитрий Петрович так пишет о своем понимании предназначения поэта:

*Пропеть
какое-то мгновение,
но так пропеть,
чтоб в серых буднях
горячей строчки
вдохновение
допелось звонкой песней
в людях.*

В стихах Дмитрия Петровича образы неожиданные, очень ёмкие и понятные каждому. И что удивительного? Ведь и правда, что «каждый пишет, как он слышит», а у Дмитрия Петровича мышление, как говорят хорошо знающие его люди, первозданное, первобытное в некотором смысле, он настолько близок к природе – началу начал всего, что его поэзия воспринимается естественно, без надути. Прочитав его стихи, к ним тянешься и дальше – как тянешься ко всему настоящему: свету, теплу, солнцу, воде, свежей листве на березке. Наверное, поэтому же к нему тянутся дети, и он их очень любит и умеет разговаривать с ними на их языке.

В стихах у него обычно три-четыре строфы, а то и две. Но в них сказано всё, они – как пружина, которая, расправляясь и высказывая, заставляет вздрогнуть. Он строг и требователен к себе, не обременяет читателя длиннотами, не вешает на него лишнего, как он говорит, «ни одного лишнего кирпичика быть не должно». А для этого безжалостно выбрасываются четверостишия, без которых можно обойтись, слова точны, весомы. Это – уважение к читателю, его интеллекту, кругозору. Меня всегда поражала и поражает широта словарного запаса этого поэта. Прочитаешь 3-4 стихотворения, и обязательно хочешь в одном встретишь слово, забытое сегодня, но так ладно вписавшееся в день сегодняшний, или просто редкое, но такое удобное, даже родное.

Дмитрий Петрович – трудоголик по жизни. У него немало стихов про шахту, но еще больше – про плотничье ремесло, которое всю жизнь для него было и приработком, и отрадой – сколько домов он построил! Он и сейчас на лето съезжает в настоящий терем, сработанный своими руками: дом, изукрашенный резным кедром. Нынешней весной он уже смастерил три скворечника – из кедровых досочек, всё по науке: снаружи – построганные, изнутри – нет,

чтобы птенцы могли коготками цепляться, и лазочек нужного размера, и покаты крыши – такой, как надо... Подарил друзьям, наказав, как правильно прибывать к жерди, чтобы острая гвоздей внутри домика не оканализовались да птиц не поранили. Он не умеет отдыхать, ничего не делая, надо, чтобы руки всегда были в работе. Нечего мастерить – читает, много выступает, встречается с читателями. В парке им все тропинки исхожены, все лыжни изобеганы, два-три раза в неделю он выбирается туда, и пятикилометровая прогулка по лесу дает не только здоровье и силы, но и пищу уму и чувствам поэта. Диван и телевизор – это не для него, каждый новый день – новое дело.

*И столько дел
бесхитростных нахлынет,
и столько
непредвиденных забот!
И так, откуда сердце
не остынет,
дел на земле моей
невпроворот.*

С днём рождения, Дмитрий Петрович! С юбилеем! Писать стихи не каждому дано, читать – тоже. Но пока есть люди, которым поэзия помогает жить, пусть не скудеет Ваш творческий дар. Желаем новых открытий!

Татьяна
КОПЫТОВА

Стихи из новой рукописи

Дег

Расторопно работает,
Скоренько,
В меру крепеньких
Старческих сил.
Он топориком
Правит задоринки,
Что фуганком
внушок натворил.

Ты выбрал место для жилья,
Приемлемое старику.
Глядится горница твоя
Большими окнами в тайгу.

Творит загадочную быль
Братишка-дядя под окном,
В заборе старенький горбыль
Ошкуривая топорком.

Над кряжем гордая гора
Лохматой шапкой вознеслась.
И песнь пасхальная с утра
С твоей молитвою слилась.

Отчизна! Дышится легко,
И думка светлая в душе:
«Чертог небесный далеко
И вроде рядышком уже».

В полотняном балахоне,
Кушаком перепоясан,
Величав в земном поклоне
И в молчанье громогласен.

В небеса простерты руки,
Ясновидящие очи.
И мольбы за наши муки
Дни и ночи, дни и ночи.

Родничок журчит, искрится
У молитвенного камня.
Опахнет большая птица
Легковесными крылами.

Ангелом промчится мимо
И, конечно, канет в Лету.
И молитва Серафима
Озарит лазурным светом.

Бачатский разрез
**«Нашим детям уготовано
счастливое будущее».**
Советский лозунг

Горловина
смердящего кратера,
Исступленно разинутый зев.
А над ним –
нелюбовь богематери
И всевышнего истовый гнев.

Сколько силушки
русской потрачено
На бессметные тонны угля.
И стоят по буграм
автоматчики –
Беспардонные слуги жулья.

Вроде бы не работал
с прохладцею
И не клял человеческий род,
Уготованная резервация
Ждет доверчивый
русский народ.

На приют карагача
У моей избушки
Налетела саранча,
Вереща и стрекоча,
К трапезе кормушки.

Воробыная душа,
Горемычна доля,
Может, будет спасена
Этой горсточкой пшена.
Горсточкой всего лишь.

Герань

На окошке, дружище, глянь,
Заневестилась, ёлки-палки,
Одомашненная герань
В спертom воздухе
коммуналки.

В буераках глухой тайги
Воды вешние затомились.
За окном не видать ни зги,
На окне моём –
божья милость.

Не мороз, а морозко,
Не речушка – ручей.
Индевет берёзка
В дорогой епанче.

А кусты краснотала,
Прирученный тальник
Весь в заморских кораллах
Ниоткуда возник.

Не отшибло ли память
Среди белого дня?
То протока, то наледь,
Что ни шаг – западня.

Заплутать не боюсь я,
Мне ручей – поводирь.
Пахнет родиной – Русью
Притаёжная ширь.

Обмолочены нивы хлебные,
Зреет пряный дух
в золотой скирде,
А крестьянское раболепие
Держит норов мой
в ременной узде.

Зябко стало мне
в дачном промысле,
Дело валится из уставших рук.
Все друзья меня
позабросили,
И подруге моей недосуг.

Хата добрая, банька крепкая,
Есть картошечка,
и капуста есть,
Бродит в подполе
брага терпкая.
Кущи райские – это здесь.

Тяга вечная – ближе к городу,
Ванна теплая
да контрастный душ.
А из города – снова в логово
Под неистовый
комариный туш.

Не убытками, не прибытками
Слава Богу, судьба не жалует.
Поработать бы
над ошибками,
Исповедуя душу шалую.

Кто меня соблазнял
калачиком,
Где я плетью хлестал по обуку,
Зря ли чувства свои
растрачивал,
Ловеласом был или олухом?

Где в чести кураж,
был застенчивым,
Надо быть скромней,
я куражился...
Вновь бросаюсь в жизнь
опрометчиво.
Так мне любится,
так мне кажется.